

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 51**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 51 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 326 с.

ISBN 978-5-458-04700-5

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04700-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота *).

Когда умираетъ общественный дѣятель, мы испытываемъ не одно горе, не одну скорбь; мы переживаемъ и нѣкоторое чувство благодарности къ памяти этого человѣка за все, что онъ сдѣлалъ для насъ и для всего общества, и нѣсколько горделивое сознаніе проявившейся въ немъ силы человѣческаго ума, таланта или энергіи. Измѣняя нѣсколько выраженіе поэта, мы одновременно и „говоримъ съ тоской: его нѣтъ, и съ благодарностію: онъ былъ“, онъ жилъ, онъ работалъ—съ пользой и успѣхомъ.

*) При составленіи настоящаго очерка, читаннаго (съ большими сокращеніями) въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 6 ноября 1899 г., въ видѣ рѣчи, мы пользовались слѣдующими матеріалами: 1) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Томъ III, Спб., 1896; 2) Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ. Спб., 1895; 3) В. И. Шенрокъ. Воспоминанія о Н. Я. Гротѣ (Историч. Вѣстн., 1899 г., № 9); 4) Я. Колубовскій. Н. Я. Гротъ (статья въ 18-мъ полутомѣ Энциклопедическаго Словаря, изд. Брокгаузомъ и Эфрономъ); 5) Его же. Н. Я. Гротъ (статья въ приложеніи къ «Исторіи новой философіи» Ибервега-Гейнце); 6) К. Д. Кавелинъ. Задачи психологіи. Спб., 1872; 7) И. М. Сѣченовъ. Замѣчанія на книгу г. Кавелина „Задача психологіи“ (Вѣстн. Европ., 1872, № 11) и Кому и какъ разрабатывать психологію? (тамъ же, 1873, № 4); 8) дальнѣйшая полемика между К. Д. Кавелинымъ и И. М. Сѣченовымъ (тамъ же, 1874, №№ 3, 4, 5, 6, 7 и 9); 9) М. М. Троицкій. К. Д. Кавелинъ. (Русская Мысль, 1885, № 11); 10) Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Новороссійскаго университета. Историческая записка проф. А. И. Маркевича. Одесса, 1890; 11) Извѣстія Историко-филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, за 1877—84 гг.; 12) Записки Императорскаго Новороссійскаго университета, томы 39—43; 13) Рѣчь и отчетъ Императорскаго Московскаго университета, годы 1887—1899; 14) Сочиненія Н. Я. Грота; 15) Полемика его съ обыкновеннымъ читателемъ (В. В. Лесевичемъ) и архіеп. Никаноромъ.

Такое же двойственное чувство испытываемъ и мы сегодня, собравшись на наше печальное торжество: съ торжественной печалью смерти въ нашей душѣ, сливаясь, переплетается бодрящее вѣяніе жизни, еще такъ недавно отъ насъ ушедшей, еще столь живой въ нашей памяти.

Другія имѣющія быть сегодня произнесенными рѣчи будутъ характеризовать Н. Я. Грота, какъ ученаго и мыслителя; онѣ покажутъ намъ и ту внутреннюю связь, какая существовала между его личностью и общимъ строемъ его воззрѣній. Я же укажу тѣ внѣшнія рамки, въ которыхъ протекла жизнь покойнаго, и въ связи съ этимъ намѣчу самыя общія свойства его личности, его темперамента.

Легко понять, что я отнюдь не берусь излагать здѣсь сколько-нибудь полной біографіи Николая Яковлевича: время для этого далеко еще не наступило. Сейчас не приведены еще въ извѣстность и оставшіяся послѣ него рукописи, среди которыхъ, на ряду съ собраніями матеріаловъ, случайными, летучими замѣтками и черновыми набросками, несомнѣнно, должны быть и вполне обработанныя вещи*). Мало того, нѣтъ даже просто вполне исчерпывающаго перечня напечатанныхъ статей, замѣтокъ, рецензій Н. Я. Наконецъ, несомнѣнно, много матеріаловъ могутъ дать впослѣдствіи личныя воспоминанія о покойномъ, которыхъ пока опубликовано еще очень немного; ихъ должно быть съ теченіемъ времени гораздо больше, если судить по тому количеству лицъ, съ какимъ пришлось Николаю Яковлевичу вступать въ тѣ или другія отношенія въ тече-

*) Такъ, еще въ предисловіи къ своей докторской диссертации („Къ вопросу о реформѣ логики“. Лейпцигъ, 1882, стр. XII) Н. Я. писалъ слѣдующее: „Въ процессѣ изложенія авторъ оставилъ безъ употребленія нѣсколько совершенно готовыхъ къ печати главъ, принужденъ былъ отложить до другого времени рядъ вопросовъ, уже значительно обработанныхъ и по которымъ у него былъ собранъ довольно обширный матеріалъ“. Вѣроятно, объ этихъ именно частяхъ своей работы замѣчаетъ Н. Я. въ составленномъ имъ списокѣ своихъ сочиненій по логикѣ: „есть рукописи еще на 100 стр.“. Затѣмъ, мнѣ лично пришлось слышать отъ Н. Я., что у него собрано много матеріала по вопросу объ инстинктахъ и что кое-что онъ даже началъ уже обрабатывать.

ніе его недолгой, но кипуче дѣятельной жизни. Поэтому я дамъ лишь необходимое введеніе къ тому изложенію его научныхъ трудовъ, его вѣрованій и убѣжденій, которому, будутъ посвящены остальные рѣчи.

I.

Н. Я. Гротъ былъ старшимъ сыномъ нашего извѣстнаго ученаго и литератора, академика Якова Карловича Грота *).

Въ 1850 г. Я. К. женился на Натальѣ Петровнѣ Семеновой **), а 18 апрѣля 1852 г. у нихъ родился первенецъ-сынъ,

*) Родоначальникомъ семьи Гротовъ въ Россіи былъ голштинецъ Іоакимъ Гротъ (1733—1799 или 1800), переселившійся при императорѣ Петрѣ III въ Петербургъ; онъ былъ довольно виднымъ общественнымъ дѣятелемъ въ эпоху Екатерины II, занимая (съ 1764 г. до смерти своей) мѣсто пастора при лютеранской Екатерининской церкви въ Петербургѣ (на Васильевскомъ островѣ). Его сынъ Карлъ Іоакимовичъ (или Ефимовичъ, какъ его обычно звали по-русски, скончался 1816 г.) дослужился до начальника отдѣленія въ департаментѣ Государственныхъ Имуществъ.

У Карла Ефимовича было двое дѣтей; Яковъ Карловичъ былъ старшимъ сыномъ. Второй его сынъ—Константинъ Карловичъ—умеръ осенью 1897 г., будучи членомъ Государственного Совѣта.

Родился Яковъ Карловичъ 15 декабря 1812 г.; по окончаніи (въ 1832 г.) курса въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицѣѣ, онъ сначала служилъ въ канцеляріяхъ (Комитета министровъ, Государственной и финляндскаго статъ-секретаріата). Но всегда сильные въ немъ литературные вкусы и ученая склонности въ концѣ концовъ взяли верхъ: онъ разстался съ чисто чиновнической службой и въ 1841 г. поступилъ профессоромъ русскаго языка, словесности и исторіи въ Гельсингфорскій университетъ. Въ 1852 г. онъ перешелъ въ Петербургъ профессоромъ русской литературы въ Александровскій бывшій Царскосельскій) лицей, въ которомъ онъ самъ получилъ образованіе, и въ то же время былъ приглашенъ преподавателемъ нѣсколькихъ предметовъ къ Великимъ князьямъ: Николаю, Александру и Владимиру, дѣтямъ тогдашняго Наслѣдника, а потомъ Императора Александра II. Въ 1855 г. Я. К. былъ избранъ въ члены Академіи Наукъ по II отдѣленію (русскаго языка и словесности); съ 1865 г. онъ сталъ предсѣдателемъ этого отдѣленія, а умеръ вице-президентомъ Академіи.

**) Сестрѣ сенатора и автора обширныхъ мемуаровъ по исторіи крестьянскаго вопроса при Александрѣ II Николая Петровича Семенова; другой ея братъ, Петръ Петровичъ, состоитъ въ настоящее время и членомъ Государственного Совѣта, и президентомъ Императорскаго Географическаго Общества; въ то же время П. П.—одинъ изъ самыхъ выдающихся и заслуженныхъ русскихъ статистиковъ.

названный Николаемъ въ честь старшаго брата Натальи Петровны.

Въ 1861 г. девятилѣтній, бойкій и живой мальчикъ поступилъ въ училище д-ра Видемана (на Васильевскомъ Островѣ); гимназическій курсъ онъ окончилъ съ золотой медалью въ 1871 г. въ Ларинской гимназіи въ С.-Петербургѣ и осенью того же года поступилъ на первый курсъ историко-филологическаго факультета въ Петербургскій университетъ.

Этотъ періодъ жизни Н. Я. чрезвычайно живо описанъ въ „Воспоминаніяхъ о Н. Я. Гротѣ“ его университетскаго товарища и друга всей его жизни В. И. Шенрока (помѣщенныхъ въ сентябрьскомъ номерѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1899 годъ). Быть можетъ, эти воспоминанія уже извѣстны части нашихъ читателей; но мы не можемъ пройти мимо нихъ, потому что въ нихъ въ симпатичномъ свѣтѣ обрисовывается основное свойство личности Николая Яковлевича—общій ея, такъ сказать, динамическій характеръ, его постоянно подвижный и энергичный темпераментъ, всегдашняя способность и готовность увлекаться: мало того, неспособность его не увлекаться всѣмъ, что ему приходилось дѣлать,—неспособность, доходившая до того, что его дѣятельность въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ производила впечатлѣніе разбрасыванія, неумѣнья экономить свои силы и сосредоточивать ихъ на чемъ-либо одномъ. Но, съ другой стороны, эта же самая черта темперамента, отличавшая Н. Я. въ теченіе всей его жизни, дѣлала изъ него довольно рѣдкій у насъ въ Россіи типъ человѣка, какъ нельзя болѣе далекаго отъ того квіэтизма, отъ той умственной косности и душевнаго безразличія, которыя составляютъ болѣзнь многихъ русскихъ людей.

„Сдѣлавшись студентомъ, пишетъ г. Шенрокъ, Гротъ необыкновенно скоро—можно сказать, тотчасъ же—обратилъ на себя общее вниманіе всего курса замѣчательной жизнерадостностью, соединенной съ чрезвычайной общительностью и привѣтливостью ко всѣмъ товарищамъ; онъ

скорѣе другихъ знакомился съ однокурсниками и, неотра- зимо привлекая къ себѣ всѣхъ своимъ веселымъ и живымъ характеромъ, значительно способствовалъ на первыхъ по- рахъ общему взаимному сближенію“. Въ то же время онъ былъ исполненъ какого-то особеннаго чувства счастья быть студентомъ... „Оживленной, быстрой походкой, съ посто- янно ликующимъ видомъ, не столько озабоченный своими постоянными хлопотами, сколько счастливо настроенный и полный бодрого возбужденія, онъ вихремъ носился въ про- межутки между лекціями по длинному университетскому корридору, вѣчно въ суетѣ и движеніи. Въ массѣ товари- щей, большею частію съѣхавшихся изъ дальнихъ городовъ, удрученныхъ нуждой и насущными житейскими заботами, группировавшихся въ небольшіе и тѣсные кружки, какъ то особенно выдѣлялся этотъ привѣтливый молодежавый юноша, съ виду совсѣмъ почти мальчикъ, отъ души наслаждавшійся и новой для него университетской обстановкой, и профес- сорскими лекціями, и общеніемъ съ товарищами, и всѣми впечатлѣніями жизни, такъ радостно имъ воспринимаемыми. Онъ одинъ чувствовалъ себя привольно, какъ рыба въ водѣ, никого не сторонился и не хотѣлъ замкнуться ни въ какомъ уединенномъ кружкѣ, но совершенно просто и естественно сближался со всѣми“.

„Изъ всѣхъ университетскихъ предметовъ Гротъ осо- бенно увлекался сначала исторіей, которую полюбилъ, еще будучи воспитанникомъ Ларинской гимназіи. Вскорѣ, замѣ- тивъ затрудненіе большинства товарищей, чувствовавшихъ нужду въ картѣ древняго Рима при слушаніи лекцій по древней исторіи, онъ весь предался, со свойственнымъ ему рвеніемъ, дѣлу изданія ея примѣнительно къ лекціямъ про- фессора, цѣлыя недѣли проводя за черченіемъ, всевозмож- ными справками и хлопотами по литографированію, безъ всякихъ матеріальныхъ расчетовъ, единственно по побуж- деніямъ товарищескаго чувства. Въ слѣдующемъ году онъ составилъ такую же карту древней Греціи“. Однако, уже „къ концу перваго года университетскаго курса Н. Я.

сталъ интересоваться и философией“. „Занимался онъ въ университетѣ вообще порывами и съ большимъ увлеченіемъ и отнюдь не принадлежалъ къ числу тѣхъ студентовъ, которые благоразумно и равномерно изучаютъ всѣ предметы ради экзамена и диплома. Онъ имѣлъ способность передъ экзаменомъ, такъ сказать, брать приступомъ курсы, по которымъ нужно было отвѣчать“. „Мы съ нимъ готовились (пишетъ г. Шенрокъ) большею частію вдвоемъ, и я живо помню свое изумленіе, когда передъ экзаменомъ по древней исторіи со второго курса на третій Гротъ съ непостижимой быстротой впитывалъ въ себя имена, факты и генеалогическія таблицы—съ тѣмъ, чтобы немедленно послѣ экзамена пустить ихъ изъ головы на всѣ четыре стороны. Напряженіе его памяти доходило до виртуозности... Еще больше изумило меня, когда Гротъ, отчаянно запусившій занятія по славянскимъ нарѣчіямъ, послѣ непродолжительной подготовки далъ на экзаменѣ одинъ изъ самыхъ блестящихъ отвѣтовъ у профессоровъ Срезневскаго и Ламанскаго“... Характеризуя тѣ свойства личнаго характера Н. Я., которыя отчетливо обнаружили уже въ студенческіе годы, г. Шенрокъ еще разъ особенно подчеркиваетъ „необыкновенную ясность и бодрость его духа. Все, что ему приходилось перенести горькаго или тяжелаго, онъ всегда умѣлъ, какъ-то незамѣтно для другихъ, перерабатывать въ себѣ... А во время прогулокъ по окрестностямъ Петербурга весной, въ пору экзаменовъ, иногда даже накануне или за день, Н. Я. весь отдавался столь свойственнымъ ему, особенно въ первой молодости, живости и веселью и воодушевлялъ все общество товарищей-спутниковъ. Грота отъ души любили товарищи“...

Несомнѣнно, что на счастливомъ „тонѣ“ всей молодости Н. Я. отразилась, помимо его темперамента, еще и обстановка его молодости—домъ его родителей.

Вотъ какими чертами описываетъ г. Шенрокъ семью Якова Карловича Грота въ эпоху студенчества Н. Я.: „Вся семья произвела на меня, говорить онъ, весьма импо-

нирующее и пріятное впечатлѣніе своей любовью къ порядку и привлекательными нравственными качествами. Здѣсь было царство честнаго труда и полнѣйшей корректности во всемъ. Всѣ члены семьи относились другъ къ другу съ любовью и полнымъ уваженіемъ... Самъ старикъ Гротъ, бодрый и дѣятельный, былъ образцомъ трудовой жизни и разумнаго употребленія времени: у него были строго опредѣленные часы для занятій и отдыха и для прогулокъ, и ни одна минута не пропадала даромъ. Аккуратность его, въ особенности при исполненіи общественныхъ дѣлъ, простиралась до того, что при отправленіи какой-нибудь официальной телеграммы или письма у него всегда заранѣе были приняты запасныя мѣры въ предупрежденіе возможныхъ неисправностей на почтѣ или телеграфѣ^{*)}.

Трудолюбіе Я. К. было поразительно; правильно будетъ сказать, что вся его жизнь была посвящена работѣ: не даромъ полный списокъ его трудовъ (правда, съ повторными изданіями и мелкими вещами: напр., стихотвореніями) состоитъ не болѣе и не менѣе, какъ изъ 428 №№**), среди которыхъ стоятъ такія вещи, какъ академическое изданіе сочиненій Державина, „Филологическія розысканія“ (во 2-мъ и 3-мъ изданіяхъ составившія цѣлыхъ 2 тома), книга „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, 1-й вып. академическаго „Словаря русскаго языка“, руководство къ русскому правописанію и множество статей по другимъ вопросамъ русской филологіи и исторіи литературы. Погруженный всю жизнь въ литературныя и ученыя занятія, въ отправленіе своихъ нелегкихъ служебныхъ обязанностей, вращаясь сначала въ чисто чиновническихъ, потомъ въ учено-чиновническихъ кругахъ, будучи близокъ (по своей должности учителя Великихъ Князей) ко Двору, Я. К.

*) Характеристикѣ Я. К. Грота посвящена статья Б. Б. Глинскаго „Наставникъ царскихъ дѣтей“, помѣщенная сначала въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, а потомъ въ недавно вышедшемъ сборникѣ статей г. Глинскаго, озаглавленномъ „Очерки русскаго прогресса“ (Спб., 1900).

**) Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ. Спб., 1895, стр. 199—235.

вездѣ умѣлъ остаться самимъ собою, не жертвовать своею личностью нивелирующему вліянію „службы“. Свои душевные нравственные воззрѣнія, свои лучшія надежды онъ высказалъ въ небольшой тетрадь, которую вручилъ Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу въ день его совершеннолѣтія (8-го сентября 1859 г.). Въ первой главѣ этого документа*), озаглавленной „Молитва Цесаревича“, Я. К. излагаетъ отъ лица своего Высокаго воспитанника слѣдующія размышленія: „Я вступаю въ совершеннолѣтіе въ такомъ возрастѣ, когда другіе считаются еще незрѣлыми юношами. Поставленный Провидѣніемъ и законами государства въ такое необычайное положеніе, я долженъ понять и великость въпрямую связанныхъ съ нимъ требованій... Господи! Пошли мнѣ любовь къ правдѣ и умѣніе отличать людей преданныхъ ей отъ лживыхъ и суетныхъ. Но особенно, Господи, молю Тебя объ одномъ: зажги въ сердцѣ моемъ теплую любовь къ человѣчеству. Даруй мнѣ сердце любящее, исполненное участія къ ближнему. На высотѣ величія, въ нѣдрахъ обилія и роскоши не дай мнѣ забывать страданій и несчастій, ежеминутно претерпѣваемыхъ вдали отъ меня; дай мнѣ помнить, что Ты поставилъ меня такъ высоко не для моего собственнаго счастья, но для того, чтобы я способствовалъ къ распространенію счастья между другими, чтобы я былъ орудіемъ Твоей воли для утвержденія на землѣ царства добра и истины“...

Въ другомъ мѣстѣ Я. К., по праву учителя и воспитателя, даетъ своему Царственному ученику слѣдующія наставленія:

„Ваше Императорское Высочество, говоритъ онъ во второй главѣ („Особенность Вашего положенія“) сравните Свое положеніе съ положеніемъ обыкновеннаго юноши: онъ долженъ создавать себѣ поприще, Ваше поприще уже готово въ будущемъ; онъ долженъ трудами и борьбою съ

*) Онъ изданъ въ указанной выше книгѣ: Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ и т. д. (стр. 143—164).

препятствіями проложить себѣ путь, Вашъ путь уже проложенъ; онъ долженъ для стяжанія успѣха привлечь на себя вниманіе общества, на Васъ уже обращены взоры цѣлаго народа... Слава ждетъ Васъ; но помните, что рядомъ съ нею стоитъ и безславіе. Въ этомъ отношеніи Ваше мѣсто гораздо опаснѣе, нежели положеніе всякаго частнаго лица... Ваше имя уже заранѣе занесено на страницы исторіи. Вы должны либо прославить, либо обезславить его; тутъ нѣтъ середины... для Васъ будутъ позоромъ не одни темныя дѣла и ошибки; для Васъ самое отсутствіе великихъ дѣяній будетъ уже безславіемъ... Мы живемъ въ такое время, когда Россіи предстоитъ рѣшеніе великихъ задачъ, борьба съ вѣковыми заблужденіями и трудностями. Смена этой жатвы должны зрѣть въ цѣломъ настоящемъ молодомъ поколѣніи; но особенно важны тѣ изъ нихъ, которыя положены въ Вашу душу. Будьте же Сами заботливымъ ихъ хранителемъ, бодрствуйте и трудитесь, и помните, какая великая отвѣтственность возложена на Васъ Провидѣніемъ^{*)}...

*) Особенно настаиваетъ Я. К. въ этомъ обращеніи къ своему Царственному ученику на важность любви и правды. Въ главѣ „О любви народа къ Монарху“ онъ пишетъ: „Государь и народъ должны составлять одно... Вѣчная хвала тому Государю, который понялъ это, который счастье своего народа поставилъ задачею жизни, для котораго внутреннее благосостояніе Государства выше блеска оружія, выше шума побѣдъ и завоеваній... Нелюбовь народа къ Государю печальна не только сама по себѣ; она доказываетъ, что и Государь не любитъ народа, ибо любовь пріобрѣтается любовью же. Она доказываетъ, что Государь мало думалъ о своемъ народѣ, мало его изучалъ, не понялъ его нуждъ,—однимъ словомъ, не узналъ и не оцѣнилъ его; но она доказываетъ также, что онъ не возлюбилъ выше всего правды и добра, поэтому что народу всегда дорогъ Государь, которому они священны...“

Необходимости и важности стремленія узнать правду посвящены цѣлыхъ двѣ главы: „Правдивость“ и „Какъ узнавать правду“. Въ нихъ Я. К. пишетъ: „Для вѣнценосца нѣтъ тѣхъ побужденій, которыя заставляютъ частное лицо прибѣгать ко лжи. Чтобы говорить правду, ему не нужно даже рѣшимости... Но для него нужно другого рода мужество: онъ долженъ уметь *выслушивать* (курсивъ подлинника. В. И.) правду, искать ее, узнавать и принимать безъ гнѣва даже и тогда, когда бы въ ней заключалось противорѣчіе его собственнымъ мыслямъ и желаніямъ“. Въ главѣ „Какъ узнавать правду“ мы читаемъ: „Конечно, первое условіе, чтобы научиться открывать правду, есть искреннее желаніе знать ее. Кто оживленъ этимъ желаніемъ, тотъ, безъ сомнѣнія, найдетъ и способы осуществить его. Однако же предметъ этотъ такъ важенъ, что

Я позволилъ себѣ привести дословно эти выписки изъ тетради Я. К. потому, что они ясно рисуютъ передъ нами нравственный обликъ Я. К. Грота. Въ знаменательный для него моментъ совершеннolѣтія его Царственнаго ученика онъ высказываетъ ему свои задушевные идеалы, надежды, мечты, старается внушить ему, по праву воспитателя и учителя, возвышенныя нравственныя настроенія и стремленія! И какихъ бы кто общественныхъ взглядовъ ни держался, всякій долженъ будетъ согласиться съ тѣмъ, что человекъ, выставлявшій такія общія цѣли и желанія, не могъ быть равнодушнымъ къ морально-общественнымъ вопросамъ.

нелишне будетъ посвятить ему нѣсколько замѣчаній.—Отчего правда такъ легко затмѣвается передъ людьми высоко стоящими и сильными? Оттого, что они по большей части сносятся только съ такими лицами, которыя на лѣстницѣ общественныхъ званій и должностей стоятъ всего ближе къ нимъ. Такъ какъ не всѣ эти избранные побуждаются въ своихъ дѣйствіяхъ однимъ стремленіемъ къ правдѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, напротивъ, бываютъ движимы своими страстями, личными видами, заботою о собственной своей пользѣ, то естественно, что эти нѣкоторые стараются скрыть или представить въ ложномъ свѣтѣ все то, что несогласно съ ихъ собственной выгодой. Итакъ, человекъ, высоко стоящій, находится безпрестанно въ опасности быть обманутымъ, часто даже касательно самыхъ важныхъ и близкихъ для него интересовъ, и это тѣмъ болѣе, что между окружающими его есть люди, всячески старающіеся удалять отъ него тѣхъ, которые могли бы открыть ему глаза.—Отсюда ясно, что главное средство узнавать истину заключается въ правилѣ: не гнушаться общенія съ людьми, гораздо ниже насъ стоящими. Часто немногія слова, обмѣненныя съ такимъ человекомъ, могутъ озарить нашъ умъ внезапнымъ свѣтомъ и вывести насъ изъ долговременнаго заблужденія. Эту истину понимали многіе великіе люди; назову только Петра Великаго, Екатерину II, Генриха IV, Фридриха II, которые не только не избѣгали, но даже искали случаевъ вступать въ разговоръ съ лицами всѣхъ сословій... И не должно думать, чтобы такая доступность и вообще снисходительность въ сношеніяхъ съ низшими могла сколько-нибудь вредить сильнымъ въ должномъ къ нимъ уваженіи. Напротивъ, доступностью пріобрѣтается общее сочувствіе и довѣріе, потому что она свидѣтельствуетъ о любви къ ближнему и вниманіи къ его нуждамъ. Сильнаго человека любятъ тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ доступенъ и привѣтливъ; въ этомъ заключается тайна дѣйствительной и прочной власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тайна все видѣть и знать и доходить до сокровеннѣйшей правды. А что можетъ быть дороже правды для того, кто обремененъ властію и желаетъ добра? Зачѣмъ и власть, если не для содѣйствія торжеству правды на землѣ?"